

— И то верно, пусть они и обрабатывают, — согласился старый староста трех деревень. — Дасин, сынок, сходи-ка к Каньцзы. Скажи, что Тянь-эр решил им подсобить и готов сдать землю в аренду. Как только Дацзян с Дахэ закончат пахать, они и вола его смогут взять. Пусть Каньцзы заглянет ко мне, составим договор.

— Сию минуту, батюшка! — отозвался Дин Дасин и поспешно выбежал на улицу разыскивать Дин Каня.

В комнате остались только старик и Дин Тянь. Староста трех деревень принялся утешать юношу:

— Если на душе у тебя до сих пор горько от этой обиды, ты только скажи. Наш род Дин тоже не лыком шит. Пусть эти Гао богаты, но и им не совладать с хозяевами здешних мест. Мы тут испокон веков живем, управа на них найдется.

Дин Тянь лишь мягко улыбнулся в ответ:

— Что вы, двоюродный дедушка, я вовсе не держу зла. Напротив, радоваться надо, что не женился на ней. Не приведи небо, вошла бы такая баба в мой дом, а потом завела интрижку на стороне — вот тогда позору бы я не обобрался.

— Ай да малый, за словом в карман не лезет! — весело расхохотался старик. — А ведь и верно мыслишь! Погоди-ка, помнится мне, у родни моей невестки, жены Дасина, есть племянница. Семья у них зажиточная, а сама девчушка — загляденье, кроткая да работящая. Ей всего тринадцать, а она уже и одежду, и обувь шить мастерица, а уж вышивает так, что ее рукоделие на рынке влет уходит за хорошую цену...

Дин Тянь почувствовал, как к горлу подступила привычная горечь, но вида не подал и ответил со всей серьезностью:

— Двоюродный дедушка, мне пока не до женитьбы. Сами знаете, со дня на день мне нужно ехать в уездную управу на службу. Город сейчас только отстраивают после войны, в самой управе тоже наверняка кавардак. Пусть обещание уездного судьи остается в силе, кто ведает, что там сейчас творится? К тому же кругом разруха после набегов, неизвестно, каким выдастся следующий год. Мне ведь всего пятнадцать, с женитьбой я вполне успею подождать.

И то правда — во все времена мужчины никогда не боялись поздней женитьбы.

— И то верно, — с теплой отцовской гордостью кивнул старик. — Раз так глубоко мыслишь, значит, вырос толковым человеком. Хотя и остался один-одинешенек из своей семьи, а дом свой на плечах удержишь, не дашь роду угаснуть.

Пока они так мирно беседовали, в дом вернулся Дин Дасин, ведя за собой Дин Каня.

Одежда на Дин Кане была сплошь в латках, зато сам он так и светился бодростью и силой. И немудрено: когда в доме подрастает орава ребятишек, у хозяина всегда душа поет да дело спорится.

В прежние годы Дин Дахай больше всего на свете завидовал именно ему.

«Ну и горазд же плодиться!»

— Брат Кань! — завидев гостя, Дин Тянь тут же обулся и спустился с кана.

И пускай Дин Кань был старше его почти на шестнадцать лет, по родословной они приходились друг другу ровней.

— Тянь-эр! — с порога взволнованно заговорил Дин Кань, явно стгорая от нетерпения разузнать про землю. — Слыхал я от Дасина, будто ты свои наделы хочешь нашей семье сдать?

Для него это предложение было сродни манне небесной, неожиданно свалившейся прямо в руки.

— Все верно, — старый староста трех деревень легонько постучал пальцами по столу. — Только смотри у меня, не вздумай обидеть парня. Садись давай, в ногах правды нет, за столом все и обсудим.

Тем временем Дин Дасин уже велел Дин И принести письменные принадлежности.

Конечно, надежнее всего было бы заверить договор в уездной управе. Но простые люди испокон веков старались держаться от судейских подальше и улаживали споры полюбовно. Не зря ведь в народе говорили: «Ворота управы распахнуты настежь, да без серебра туда и с правым делом не суйся».

К тому же староста трех деревень считался лицом казенным, пусть и наполовину, так что крестьяне охотнее шли на поклон к нему, чем к чиновникам.

— Да я на любые условия согласен! — Дин Кань примостился на краю кана. — Семья у меня огромная, ртов много, только землей и кормимся. Тянь-эр, за свои наделы даже не беспокойся, отдам их тебе в руки в лучшем виде, ухаживать за ними буду как за своими.

— В этом я ничуть не сомневаюсь, — улыбнулся Дин Тянь. — В твоей семье все с малых лет к земле приучены.

И это было чистой правдой: ребятишки Дин Каня уже лет с семи-восьми вовсю гнули спину в поле, помогая родителям. К десяти годам они трудились наравне с подростками, а едва

справляли тринадцатилетие, как становились полноценными работниками.

— Послушай меня, Каньцзы, — строго промолвил староста трех деревень, устанавливая правила. — Землю Тянь-эра мы разделим по уговору: тридцать процентов ему, семьдесят — тебе. Поскольку его семья освобождена от податей, твоя доля — это чистая прибыль, Тянь-эр по доброте душевной делает твоей семье великую милость. Но заруби себе на носу: парень он мягкий, только не вздумай этим пользоваться и хитрить у него за спиной, пользуясь тем, что он остался один! И еще одно условие: соломой да стеблями гаоляна ты должен его обеспечить в полной мере. Засеешь лишние пару му гаоляном — вот и покроешь все расходы.

<http://bllate.org/book/19387/1951498>